

Агата Кристи

Доколе длится свет (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2772185
Доколе длится свет: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49877-2

Аннотация

Этот сборник уникален тем, что в него вошли редкие и малоизвестные новеллы Агаты Кристи, а также оригинальные версии хорошо знакомых читателям рассказов. В нескольких рассказах сборника «Доколе длится свет» появляется великий Эркюль Пуаро.

Содержание

Дом его грез	4
Актриса	14
На краю	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Агата Кристи

Доколе длится свет (сборник)

Дом его грез

Это рассказ о Джоне Сегрейве – о жизни его, которая не удалась, о любви, в которой он потерпел неудачу; о его снах и о смерти – и если в последних он обрел то, в чем обделен был первыми двумя, то и жизнь его в конечном счете, можно полагать, сложилась. Как знать?

Джон Сегрейв происходил из семьи, за последнее столетие постепенно пришедшей в упадок. Его предки со времен королевы Елизаветы владели землями, но позднее распродали все до последнего клочка своих владений. Было решено, что по крайней мере одному из отпрысков рода надлежит овладеть полезным мастерством добывания денег. И по иронии судьбы ее слепому выбору суждено было пасть на Джона.

Нелепо, что этому юноше с на редкость чувственным ртом и удлинёнными темно-синими глазами, придававшими ему облик какого-то лесного существа – эльфа или фавна, – нелепо, что именно ему довелось оказаться принесенным на алтарь божества Финансов. Аромат земли, вкус морской соли на губах и открытое небо над головой – вот что было дорого Джону Сегрейву и с чем ему надлежало распрощаться.

В восемнадцать лет он в качестве молодого клерка поступил на работу в крупный торговый дом. Семь лет спустя он все еще пребывал клерком, хотя уже не таким молодым, но во всем остальном статус его нимало не изменился. Среди качеств, которыми наделила его природа, явно отсутствовало то, что принято называть желанием добиться места под солнцем. Он был усерден, пунктуален, трудолюбив – поистине клерк, и ничего более.

А ведь он мог бы стать... только кем? Джон и сам затруднился бы ответить на этот вопрос, но он не мог избавиться от ощущения, что где-то, в какой-то иной жизни он мог бы достичь многого. Он обладал живым умом, энергичностью – качества, которых напрочь были лишены его трудяги-сослуживцы. Те любили Джона. Он располагал к себе беспечным дружелюбием, и вряд ли кому приходило в голову, что на самом деле Джон равным отношением ко всем ограждал себя от более тесных контактов с кем-либо одним.

Греза родилась в нем внезапно. Это не было детской фантазией, взращенной и развившейся с годами. Она пришла однажды летней ночью или скорее даже утром, и он очнулся от нее ошеломленный, жадно пытаясь удержать при себе беглянку, неуловимо, как все сны, ускользавшую из его сознания.

Он отчаянно старался удержать ее. Ее нельзя было упустить – никак нельзя, – Джон должен был запомнить тот Дом. Конечно же, это был *тот* Дом! Дом, который он так хорошо знал. Существовал ли он в действительности или просто привиделся ему в мечтах? Джон не помнил, но он, безусловно, знал его, знал прекрасно.

Неясный, серый свет раннего утра украдкой вползал в комнату. Было поразительно тихо. Лондон, усталый Лондон в половине пятого утра вкушал краткие мгновения покоя.

Джон Сегрейв лежал тихо, окутанный радостью, чудесным очарованием и прелестью своего сна. Как он изловчился запомнить его? Обычно сны улетучивались так быстро, проносились мимо, пока пробуждающееся сознание пыталось ухватить и задержать их неловкими пальцами. Но тут он успел! Он поймал этот сон в самый миг, когда тот был готов упорхнуть.

И в самом деле сон был замечательный! В нем был Дом и... – тут мысли его пришли в смятение, поскольку, едва задумавшись о сне, он понял, что не может вспомнить ничего,

кроме этого Дома. Неожиданно, испытав даже легкое разочарование, он осознал, что Дом, в сущности, был ему совсем незнаком. Прежде он не являлся Джону даже в мечтах.

Дом был белый и стоял на возвышенном месте. Кругом росли деревья, голубые холмы виднелись вдалеке, но не окружение придавало Дому его особенное очарование, поскольку (и это составляло кульминацию, самую «суть» сна) Дом был прекрасен, странно и чуждо прекрасен сам по себе. Сердце Джона забилося чаще, когда он постарался заново воссоздать в памяти небывалую красоту того Дома.

Только наружную, разумеется, потому что он не был внутри. Об этом тогда не шло и не могло идти речи.

Позже, когда в разгоравшемся свете утра стали различимы сумрачные очертания его спальни-гостиной, настала пора пробудиться от чар. В конце концов, его сон, вероятно, не был так уж чудесен – или, может, все самое чудное, все значимое в нем все-таки скрылось от Джона, подшутив над цепкой хваткой его сознания? Белый дом, стоящий на возвышенности, – было бы от чего приходить в восторг, верно? Дом, как вспомнилось ему, был довольно большим, с множеством окон, и все шторы в них опущены – не оттого, что в нем не было людей, нет, но лишь потому (он был уверен в этом), что его обитатели еще не проснулись.

Джон рассмеялся над своими нелепыми фантазиями и вспомнил, что нынче вечером ужинает с мистером Веттерманом.

Мейзи Веттерман была единственной дочерью Рудольфа Веттермана и давно привыкла непременно получать то, чего желала. Явившись однажды с визитом в контору папы, она заметила Джона Сегрейва. Он принес тогда какие-то письма, которые понадобились ее отцу. Когда Джон вышел, она справилась о нем. Веттерман с готовностью рассказал:

– Один из сыновей сэра Эдварда Сегрейва. Старое доброе семейство, но сейчас едва сводят концы с концами. Этот парень никогда не повернет Темзу вспять. Конечно, он мне нравится, но из него ничего не выйдет. Никакой напористости.

Видимо, напористость была Мейзи безразлична. Это качество более ценилось ее родителями, нежели ею самой. Так или иначе, пару недель спустя она настояла на том, чтобы отец пригласил Джона Сегрейва к ним на ужин. Ужин должен был состояться в узком кругу – она с отцом, Джон Сегрейв и одна подруга, приехавшая к ней погостить.

Подруга не преминула отпустить по этому поводу несколько замечаний:

– Хочешь снять пробу, а, Мейзи? А потом папуля велит его упаковать и принесет домой из Сити своей дорогой дочурке в подарок – оплаченный и купленный уже по всем правилам.

– Аллегра! Это уже слишком!

Аллегра Керр рассмеялась:

– Ты привыкла удовлетворять свои прихоти, Мейзи, сама знаешь. Мне нравится эта шляпка, говоришь ты, она должна у меня быть! Если со шляпками так, то почему бы не с мужьями?

– Не говори чепухи. Я с ним еще и двух слов не сказала.

– Да. Но уже все решила, – заметила та. – Что тебя так пленило, Мейзи?

– Не знаю, – медленно протянула Мейзи Веттерман. – Он... он не такой, как все.

– Не такой? Как все?

– Да. Не могу тебе объяснить. Он по-своему красив, хотя дело даже не в этом. У него такой взгляд, будто он и не видит тебя. Честно сказать, я не поручусь, что он хотя бы раз взглянул на меня тогда у папы в конторе.

Аллегра усмехнулась:

– Старый трюк. Притворяется скромником.

– Аллегра, какая ты противная, в самом деле!

– Не расстраивайся, милая. Папа непременно купит курчавого барашка своей маленькой Мейзи.

- Я не хочу, чтобы все было так.
- Значит, любовь с большой буквы. Так тебе хочется?
- Разве он не может в меня влюбиться?
- Разумеется, может. Надеюсь, он так и сделает.

Аллегра улыбнулась, окидывая взглядом подругу. Мейзи Веттерман была невысокой, слегка склонной к полноте, с темными, хорошо подстриженными и искусно завитыми волосами. И без того от природы свежие краски ее лица были подчеркнуты наимоднейшими оттенками пудры и губной помады. Хорошенький белозубый ротик, темные глаза – небольшие и с огоньком, – нижняя часть лица и подбородок несколько тяжеловаты. Одета она была изящно.

– Да, – промолвила Аллегра, завершая свой осмотр. – Я просто в этом уверена. Ты и впрямь очень эффектно выглядишь, Мейзи.

Подруга взглянула на нее с недоверием.

– Серьезно, – подтвердила Аллегра, – честное слово! Но давай предположим – просто ради интереса, – предположим, что он этого не сделает. В смысле – не влюбится. Допустим, его привязанность будет искренней, но – платонической. Что тогда?

– Может, он мне вообще не понравится, когда я узнаю его лучше.

– Пожалуй. Но, с другой стороны, он ведь может и очень сильно понравиться тебе. А в таком случае...

Мейзи пожала плечами:

– Смею надеяться, у меня достаточно гордости...

– Гордость пригодна лишь на то, чтобы скрывать свои чувства, – прервала ее Аллегра, – но она не поможет тебе избавиться от них.

– Ну, тогда, – Мейзи вспыхнула. – Не понимаю, почему, в конце-то концов, не сказать об этом прямо. Я действительно очень хорошая партия. Я хочу сказать – с его точки зрения, дочь его начальника и вообще.

– Перспектива участия в делах фирмы и тому подобное, – живо подхватила Аллегра. – Да, Мейзи. Ты поистине дочь своего отца, все правильно. Я ужасно рада. Люблю, когда мои друзья сознают, кто они есть.

Едва уловимая насмешка в ее тоне привела Мейзи в замешательство.

– Ты невыносима, Аллегра.

– Но полезна для стимула, милая. Для этого я тебе и нужна здесь. Ты же знаешь, я изучаю историю, и мне всегда было любопытно, почему придворному шуту так охотно все дозволяли? Теперь, когда мне самой довелось им стать, я вижу, в чем дело. Не такая уж плохая роль, скажу тебе, – надо же было мне к чему-то себя приспособить. Чем я была? Гордая и без гроша, как героиня романчика, из хорошей семьи и без путного образования. *«Что тебе делать, девица? – Бог весть, – был ответ»*. Этакая бедная родственница, готовая обходиться без камина в своей комнатухе и охотно берущаяся за всякую случайную работу и поручения типа «помоги-ка кухне такой-то, милочка». Такие никому, в сущности, не нужны, разве что тем, кому не по средствам держать прислугу, и такие люди обращаются с ними как с рабами. Вот я и заделалась придворным дурачком. Можно дерзить, говорить без обиняков, слегка острить время от времени (но не слишком часто, не то будешь вынуждена продолжать в том же духе), а тем временем проницательно наблюдать человеческую природу. Людям даже нравится, когда им говорят, как ужасны они на самом деле. Именно поэтому они толпами приходят послушать популярных проповедников. И затея удалась на славу. Я всегда завалена приглашениями. Я с величайшим удобством живу за счет моих друзей и при этом могу себе позволить роскошь никого не благодарить.

– Ты неподражаема, Аллегра. Ты нисколько не задумываешься над тем, что говоришь.

– Вот тут ты ошибаешься. Я очень даже задумываюсь – внимательно и серьезно по каждому поводу. Моя кажущаяся откровенность всегда рассчитана заранее. Мне приходится быть очень осторожной. Это занятие еще должно послужить мне до старости лет.

– Отчего бы не выйти замуж? Я же знаю, что масса мужчин добивались тебя.

Лицо Аллегры внезапно сделалось суровым.

– Я никогда не смогу выйти замуж.

– Из-за того, что... – Мейзи не закончила фразы, глядя на подругу.

Та коротко кивнула.

На лестнице слышались шаги. Лакей распахнул двери и доложил:

– Мистер Сегрейв.

Джон вошел, не испытывая особого энтузиазма. Он представить себе не мог, зачем старику понадобилось звать его. Если бы Джон мог отделаться от этого приглашения, он так бы и поступил. Дом подавлял его своим тяжелым великолепием и нежным ворсом ковра.

Ему навстречу вышла девушка и протянула руку для рукопожатия. Джон смутно помнил, что видел ее однажды в конторе ее отца.

– Как поживаете, мистер Сегрейв? Мистер Сегрейв – мисс Керр.

Вот тут для него настало пробуждение. Кто она? Откуда она явилась? Вся она – от струящихся драпировок платья, окрашенных бликом огня, до крошечных крылышек Меркурия на маленькой греческой голове – казалась существом летучим и эфемерным, словно видение, застывшее среди вмиг потускневшего убранства.

Вошел Рудольф Веттерман, поскрипывая на ходу ослепительным крахмальным пластроном внушительных размеров. Без лишних церемоний они приступили к ужину.

Аллегра Керр завела разговор с хозяином дома. Джон Сегрейв был вынужден посвящать свое внимание Мейзи. Но все его мысли были заняты девушкой, сидевшей по другую от него сторону стола. Она производила восхитительное впечатление. Хотя, как он про себя заметил, оно создавалось скорее умышленно, нежели возникало само по себе. Но внутри, за всем этим, скрывалось что-то еще. Трепещущий язычок пламени – мерцающий, непостоянный, словно блуждающий огонь из сказки, который, бывало, заманивал в трясину смельчаков.

В конце концов ему представилась возможность заговорить с ней. Мейзи передавала отцу новости от каких-то приятелей, которых в тот день повстречала. У Джона же в нужный момент язык точно отнялся. Он обратился к Аллегре взгляд, полный немой мольбы.

– Обычный набор тем для бесед за ужином, – беспечно проговорила она. – Мы начнем с театральных новостей или с одного из этих бесчисленных «А как вы находите?...»?

Джон улыбнулся:

– И если обнаружим, что оба любим собак и не выносим рыжих кошек, то между нами появится, как говорят, «много общего»?

– Безусловно, – с важностью ответила Аллегра.

– Жаль было бы начинать с дежурных расспросов.

– Зато все смогут поддержать беседу.

– Верно, но это и погубит ее.

– Полезно знать правила – хотя бы для того, чтобы нарушать их.

Джон снова улыбнулся в ответ:

– Тогда, полагаю, мы с вами можем позволить себе поговорить о наших личных пристрастиях. Даже если это будет выглядеть сродни безумию.

Резким, неосторожным движением руки Аллегра задела бокал и уронила его со стола. Послышался звон разбитого стекла. Это прервало беседу Мейзи с отцом.

– Мне так жаль, мистер Веттерман. Это я роняю бокалы.

– Ничего страшного, дорогая Аллегра, ровным счетом ничего.

– Разбитый бокал. Это к несчастью. Жаль, что так получилось, – быстро проговорил Джон Сегрейв сдавленным голосом.

– Не тревожьтесь. Как это говорится? «Ты не можешь принести несчастье туда, где оно поселилось».

Аллегра вновь повернулась к Веттерману. Джон, возобновив беседу с Мейзи, силился вспомнить, откуда была цитата. Наконец ему это удалось. Это были слова, произнесенные Зиглинд в «Валькирии», когда Зигмунд предлагает покинуть дом.

«То есть она хотела сказать...» – задумался он.

Но Мейзи как раз интересовалась его мнением по поводу последней музыкальной постановки. Джон признался, что обожает музыку.

– После ужина, – пообещала Мейзи, – мы попросим Аллегру сыграть нам.

Они все вместе перешли в гостиную. Веттерман в глубине души считал такой обычай варварским. Он предпочитал весомую внушительность пущенной по кругу бутылки вина предложенной коробке сигар. Но на сей раз, возможно, оно и к лучшему, потому что он не мог себе представить, о чем бы стал говорить с Джоном Сегрейвом. Ох уж эта Мейзи с ее причудами. У парня нет даже приличной внешности – по-настоящему приличной, – и, уж конечно, он вовсе не занимателен как собеседник. Веттерман был рад, когда Мейзи попросила Аллегру что-нибудь сыграть. Так им удастся быстрее скоротать вечер. Подумать только – этот молодой олух даже в бридж не играет.

Аллегра играла хорошо, хотя и без той уверенности, которая отличает профессионала. Она исполняла современную музыку – Дебюсси, Штрауса, немного Скрябина. Затем перешла к первой части «Патетической» Бетховена – этому воплощению бескрайней печали, скорби, не имеющей предела и нескончаемой, как века, но от начала до конца проникнутой духом сопротивления. В торжественных звуках бессмертного стенания она с победным рокотом стремится к своему трагическому финалу.

Под конец Аллегра сфальшивила, пальцы взяли неверный аккорд, и она резко оборвала игру. Взглянув на Мейзи, она насмешливо улыбнулась.

– Вот видишь, – сказала она. – Они не дают мне дальше.

И, не ожидая ответа на свое загадочное замечание, Аллегра стала наигрывать какую-то странную, до навязчивости запоминающуюся мелодию, полную немыслимых созвучий и непонятных ритмов, – Сегрейв никогда прежде не слышал ничего подобного. Легкая, невесомая мелодия парила где-то высоко, словно птица, и внезапно, без всякого перехода, она превратилась в нестройное месиво звуков, и Аллегра с улыбкой поднялась из-за пианино.

Несмотря на улыбку, она выглядела растерянной, почти испуганной. Она присела рядом с Мейзи, и Джон слышал, как та вполголоса сказала ей:

– Тебе не следует этого делать. Ни в коем случае не следует.

– Что это была за вещь, которую вы исполняли последней? – с чувством спросил Джон.

– Одна из моих.

Ответ прозвучал отрывисто и резко. Веттерман заговорил на другую тему.

В ту ночь Джону Сегрейву вновь снился Дом.

Джон чувствовал себя несчастным. Никогда до сих пор его жизнь не казалась ему такой тоскливой. Прежде он терпеливо сносил ее как неприятную необходимость, которая, впрочем, не задевала его внутренней свободы. Теперь все изменилось. Внешний мир вторгся во внутренний.

Джон не пытался скрыть от себя причин такой перемены. Он влюбился с первого взгляда в Аллегру Керр. Что он мог с этим поделать?

В тот первый вечер он был слишком растерян, чтобы строить какие-то планы. Он даже не сделал попытки вновь с нею увидеться. Вскоре, когда Мейзи Веттерман пригласила его

провести выходные в родительском загородном доме, он поехал с охотой, но был разочарован, увидев, что Аллегры нет.

Раз он наудачу упомянул о ней в разговоре с Мейзи, и та сообщила ему, что Аллегра гостит у кого-то в Шотландии. Этим он и удовольствовался. Он с радостью продолжил бы расспрашивать о ней, но слова точно застряли у него в горле.

В те выходные он привел Мейзи в полное недоумение. Он, казалось, вовсе не замечал, в самом деле не замечал того, что вроде бы само бросалось в глаза. Мейзи принадлежала к тем женским натурам, которые привыкли действовать со всей прямоотой, но прямоота никак не влияла на Джона. Он считал ее милой девушкой, но, пожалуй, немного властной.

Судьба все же оказалась сильнее Мейзи. Ей было угодно, чтобы Джон увиделся с Аллегррой снова.

Они повстречались в парке в один из воскресных дней. Он заметил ее еще издали, и сердце гулко застучало в его груди. Что, если она успела забыть его...

Оказалось, Аллегра не забыла. Она остановилась и заговорила с ним. Некоторое время они прогуливались вместе, бесцельно бродя по траве. Джон был до смешного счастлив.

Внезапно, без всякого повода, он спросил:

– Вы верите в сны?

– Я верю в кошмары.

Суровая резкость ее тона ошеломила Джона.

– Кошмары, – глуповато повторил он. – Нет, я говорил не о кошмарах.

Аллегра посмотрела на него.

– Да, – произнесла она. – У вас в жизни не было кошмаров. Это видно.

Теперь ее голос был ласковым, совершенно иным.

И Джон, слегка запинаясь, рассказал ей свой сон о белом Доме. Он уже шесть – нет, даже семь раз снился Джону. Всегда одинаковый. И красивый, такой красивый!

– Понимаете, это связано с *вами* каким-то образом, – продолжал Джон. – Впервые он приснился мне в ночь накануне нашего знакомства.

– Связан со мной? – она резко, коротко рассмеялась. – О нет, это невозможно. Ваш дом был прекрасен.

– Как и вы, – промолвил Джон Сегрейв.

Лицо Аллегры слегка порозовело, выразив досаду.

– Простите, я сказала глупость. Можно было подумать, что я напрашиваюсь на комплимент, верно? Но я имела в виду совсем не то. С наружностью у меня все в порядке, мне это известно.

– Я еще не видел Дома внутри, – признался Джон. – Но когда увижу – уверен, что он будет так же красив, как и снаружи.

Он говорил медленно и серьезно, с особой значительностью, которую Аллегра предпочла не заметить.

– Я хотел бы рассказать вам еще кое-что, если вы позволите.

– Позволяю, – ответила она.

– Я решил бросить службу. Мне давно следовало это сделать, но я понял это только теперь. Раньше меня вполне устраивало плыть по течению, прекрасно сознавая, впрочем, что я полный неудачник, но я не слишком об этом задумывался, просто жил сегодняшним днем. Человек не должен так поступать. Дело человека – найти для себя занятие, на которое он способен, и добиться в нем успеха. Поэтому я бросаю службу и попробую себя кое в чем другом – совершенно иного рода. Нечто вроде экспедиции в Западную Африку – подробнее я сказать не могу. Это не подлежит разглашению; но если поездка состоится, я буду богат.

– Значит, и вы тоже меряете успех деньгами?

– Деньги, – промолвил Джон Сегрейв, – означают для меня лишь одно – вас! Когда я вернусь... – Он не договорил.

Она опустила голову. Лицо ее сделалось страшно бледным.

– Не буду делать вид, что не поняла вас. Поэтому должна сказать вам теперь же, раз и навсегда: *я никогда не выйду замуж*.

Он помедлил, вникая в смысл сказанного, затем спросил как можно мягче:

– Вы не признаетесь мне, отчего?

– Могла бы, но менее всего на свете мне хотелось бы говорить об этом с вами.

Он снова умолк, потом внезапно поднял на нее взгляд, и его лицо фавна озарила на редкость привлекательная улыбка.

– Я понял, – проговорил он. – Значит, вы не позволите мне войти в Дом, даже на минутку заглянуть внутрь? Шторы должны оставаться опущенными?

Аллегра, наклонившись, положила руку на его запястье.

– Я могу сказать лишь одно. Вы грезите о Доме. Я – ни о чем. Мои сны – это кошмары!

На этом она оставила его одного, растерянного от неожиданности.

В ту ночь Джону снова снился сон. Не так давно он догадался, что Дом наверняка обитаем. Он уже видел руку, отводившую шторы, мог уловить взглядом мелькавшие силуэты...

Нынешней ночью Дом показался ему еще более ослепительным, чем когда-либо. Его белые стены сияли в лучах солнца. Совершенны были его красота и покой.

Внезапно биение радости сделалось еще сильнее. Кто-то подходит к окну, Джон знал это. Чья-то рука, та самая, которую он уже видел ранее, касается занавесей, отводя их в сторону. Через мгновение он, быть может, увидит...

Он очнулся, все еще содрогаюсь от ужаса, от невыразимого отвращения к тому *Нечто*, которое выглянуло в окно Дома.

Это было Нечто совершенно ужасное, Нечто такое гадкое и отвратительное, что Джона мутило при одном воспоминании о нем. И самым невыносимым и ужасающе мерзким, как чувствовал Джон, было то, что оно пребывало в Доме – в Доме Красоты.

Ибо там, где обитало Нечто, был кошмар – ужас, все возрастающий, испепелявший покой и безмятежность, которыми Дом был проникнут от самого сотворения. Вся красота – та самая чудесная, нетленная Красота Дома – разрушалась навеки, ибо за его светлыми, священными стенами пребывала Нечистая Тень!

Сегрейв чувствовал, что, если еще когда-нибудь Дом привидится ему во сне, он тотчас проснется в испуге от того, что из-за прекрасных белых стен на него внезапно может глянуть Нечто.

На другой вечер, уйдя из конторы, он прямо направился к дому Веттермана. Он должен был увидаться с Аллегррой Керр. Мейзи, вероятно, скажет, где ее можно найти.

Джон даже не заметил радостного блеска, которым вспыхнули глаза Мейзи при его появлении. Не заметил и того, с какой живостью она поднялась ему навстречу. Сразу же, все еще сжимая протянутую ею руку, Джон с запинкой выложил свою просьбу.

– Мисс Керр. Я встретил ее вчера, но не знаю, где она остановилась.

Он не ощутил, как обмякло пожатие руки Мейзи, как разжались ее пальцы. И ее холодный тон ни о чем не сказал Джону.

– Аллегра здесь – она гостит у нас. Но, боюсь, вы не сможете ее повидать.

– Позвольте...

– Видите ли, сегодня утром умерла ее мать. Нас только что известили.

– О! – Джон был ошеломлен.

– Все это очень печально, – проговорила Мейзи. Она заколебалась на мгновение, потом продолжила: – Дело в том, что она умерла, в общем, фактически в больнице для умалишен-

ных. Безумие у них в роду. Дед Аллегры застрелился, одна из ее теток безнадежно страдает слабоумием, а другая утопилась.

Джон Сегрейв издал горлом неопределенный звук.

– Я подумала, что следует сказать вам, – с невинным видом добавила Мейзи. – Мы же друзья, не так ли? Конечно, Аллегра весьма привлекательна. Многие мужчины предлагали ей замужество, но она, разумеется, никогда не выйдет замуж – не имеет права, вы согласны?

– Но она же не сумасшедшая, – возразил Сегрейв. – С *ней* же ничего худого нет.

Его голос показался ему самому хриплым и неестественным.

– Как знать, ее мать тоже была вполне нормальной в молодости. А потом сделалась... не просто, как говорят, с причудами. Она была буйнопомешанной. Безумие – это нечто страшное.

– Да, – подтвердил он, – ужасающее Нечто.

Теперь он знал, что глядело тогда на него из окон Дома.

Мейзи продолжала говорить о чем-то, но он резко прервал ее:

– На самом деле я пришел попрощаться и поблагодарить вас за всю вашу доброту ко мне.

– Но вы не уезжаете? – встревоженно спросила она.

Джон криво улыбнулся – неловкой усмешкой, трогательной и обворожительной.

– Да, – ответил он. – В Африку.

– В Африку! – бессмысленно повторила Мейзи. И прежде чем она успела прийти в себя, он пожал ей руку и вышел. Она так и осталась стоять на месте, судорожно прижимая локти к бокам, с гневным румянцем на щеках.

Спустившись вниз, Джон Сегрейв столкнулся в дверях с Аллегррой, возвращавшейся с улицы. Она была в черном, с лицом бледным и безжизненным. Взглянув на Джона, она провела его в маленькую гостиную для утреннего чая.

– Мейзи сказала вам, вы *знаете*? – спросила она.

Он кивнул.

– Но это же ничего не значит. *Вы-то* нормальны. Так бывает – случается, что это передается не всем в роду.

Она поглядела на него мрачным, тоскливым взглядом.

– Вы же *в самом деле* нормальны, – повторил он.

– Я не знаю, – почти шепотом проговорила она. – Не знаю. Я же говорила вам о том, что мне снится. А когда я играю, когда я сажусь за пианино – *те, другие*, приходят и хватают меня за руки.

Он, остолбенев, уставился на нее. В какой-то миг, пока она говорила, что-то проглянуло в ее глазах. Оно было мимолетно, как вспышка, но он узнал его. То самое Нечто, глядевшее из Дома.

Она заметила его внезапный ужас.

– Вот видите, – прошептала она, – видите? Но я жалею, что Мейзи сказала вам. Это все у вас отнимет.

– Все?

– Да. У вас не останется даже грез. Потому что отныне вы больше не осмелитесь грезить о Доме.

Западноафриканское солнце палило нещадно, и зной стоял невыносимый. Джон Сегрейв все еще стонал:

– Я не могу найти его. Не могу найти.

Английский доктор-коротышка, рыжий, с тяжелой челюстью, со свойственной ему грубоватой бесцеремонностью склонился над пациентом и отрывисто проговорил:

– Заладил одно и то же! О чем это он?

– Думаю, он говорит о доме, сударь, – с мягкой отрешенностью в голосе ответила сестра милосердия Римской католической миссии, опуская взор на сраженного недугом человека.

– О доме, а? Что ж, ему придется выкинуть его из головы, иначе нам не удастся поставить его на ноги. Слишком он запал ему в воображение. Сегрейв! Сегрейв!

Блуждающий взгляд стал осмысленным. Видно было, что Джон узнает доктора.

– Смотри, ты должен пробиться. Я вытащу тебя. Но перестань думать об этом доме. Он никуда не денется, сам знаешь. Не терзай себя и прекрати его искать.

– Ладно, – казалось, Джон покорился. – Думаю, ему некуда деться, коли его и так никогда не было.

– Ну вот, так-то лучше! – доктор ободряюще улыбнулся. – Теперь ты мигом встанешь на ноги, – заключил он с присущей ему самоуверенностью и отбыл.

Сегрейв лежал, погруженный в раздумье. Лихорадка отпустила его на мгновение, и он мог мыслить спокойно и ясно. *Надо* отыскать тот Дом.

Десять лет он боялся этого. Мысль о том, что он может вновь нечаянно набрести на Дом, сделалась для него величайшим кошмаром. А потом, когда страхи его, как казалось, достаточно улеглись, *тот Дом* однажды сам нашел его. Джон очень ясно помнил свой первый панический ужас и затем внезапное, острое ощущение облегчения. Потому что Дом наконец-то был пуст!

Пуст и объят чудесным покоем. Он был таким, каким Джон помнил его десять лет назад. Нет, он не забыл. От Дома медленно отъезжал огромный черный мебельный фургон. Ну конечно, последний съемщик съезжает вместе с вещами. Джон подошел к людям, управлявшим фургоном, и заговорил с ними. Чем-то зловещим веяло от этого фургона – он был так черен. Лошади тоже были черные, со свободно ниспадающими гривами и хвостами, и люди – в черных одеждах и в черных перчатках. Вся эта сцена что-то напоминала Джону, что-то, чего он никак не мог уловить.

Да, он был совершенно прав. Последний съемщик съезжал, так как срок его аренды истек. Теперь Дом должен пустовать до тех пор, пока не вернется из своей отлучки его настоящий владелец.

Джон проснулся, все еще преисполненный впечатлением мирной красоты опустевшего Дома.

Спустя месяц он получил письмо от Мейзи (она упорно продолжала писать ему каждые тридцать дней). В нем она сообщала, что Аллегра Керр умерла в той же больнице, что и ее мать, – как ужасающе печально, правда? Хотя, разумеется, это было для бедняжки счастливым избавлением.

Боже мой, как странно, что это случилось после возвращения к нему сна про Дом! Непонятно, просто непостижимо!

Хуже всего было то, что с этих пор Джон уже больше не мог найти Дома. Он почему-то позабыл к нему дорогу.

Лихорадка набросилась на него с новой силой. Он заметался. Ах да – как он мог забыть! – Дом же стоял на возвышенности! Ему надо вскарабкаться туда. Но до чего это тяжелая работа – взбираться по скалам в такую жару. Выше, выше, еще. Ох! Он сорвался. Придется начинать восхождение заново. Выше, выше, выше – уже минули дни, недели, может быть, целые годы прошли, откуда ему знать! Он все карабкался.

Однажды Джон услышал голос доктора. Но он не мог прервать восхождение и послушать, что тот говорит. Кроме того, доктор наверняка велит ему оставить поиски Дома. *Он-то* думает, что это обычный дом. Он же не знает.

Джон вспомнил внезапно, что должен быть спокойным, очень-очень спокойным. Дом нельзя найти, пока не станешь спокойным. Бесполезно искать Дом в спешке или в волнении.

Если бы он только мог успокоиться! Господи, до чего жарко! Жарко? Нет, *холодно*, совершенно холодно. Это же не скалы, это айсберги – острозубые ледяные глыбы.

Он так устал. Не стоит продолжать поиски, нет смысла. А! Вот аллея – все лучше, чем глыбы льда. Как приятно, как прохладно в ее зеленой тени. И деревья – они великолепны! Что-то они ему напоминают... Что? Джон не помнил. Впрочем, это не имеет значения.

А вот и цветы. Желтые, голубые! Как все прекрасно и как до странного знакомо. Конечно, он уже был здесь раньше. Вон сквозь деревья проглядывает Дом, стоящий на возвышенности. Как он красив. Зеленая тенистая аллея, цветы, деревья – все потерялось рядом с величественной, всеобъемлющей красотой Дома.

Джон заспешил. Подумать только, что он еще ни разу не был внутри! Какая невероятная глупость с его стороны – ведь все это время ключ лежал у него в кармане!

Фасад красив, но, разумеется, не идет ни в какое сравнение с тем, что ему предстоит увидеть внутри, – особенно теперь, когда владелец Дома вернулся. Джон поднялся по ступеням к массивной двери.

Жестокие, сильные руки тянут его назад! Они цепляются за него, оттаскивают в сторону.

Доктор тряс Джона, крича в самое его ухо: «Держись, парень, ты сможешь. Не уходи! Не смей!» Его глаза полыхали яростью, точно он боролся с врагом. Сегрейву даже стало любопытно, кто такой был этот Враг. Монахиня в черном молилась. Это тоже было странно.

А *он* хотел лишь одного – чтобы его оставили в покое. Хотел вернуться к Дому. С каждой минутой Дом становился все более неотчетливым.

Конечно, все из-за того, что доктор слишком силен. У Джона нет столько сил, чтобы бороться с доктором. Если бы он был в силах!

Но стоп! Есть же другой выход – тот самый, по которому в миг пробуждения сбегают сны. *Их* не способна остановить никакая сила – они попросту улечиваются. Руки доктора не удержат его, если он попробует ускользнуть – вот так взять и ускользнуть!

Да, это был выход! Белые стены вновь обрели очертания, голос доктора отдалился, хватка уже едва ощутима. Теперь он знает, как веселятся сны, когда им удастся улизнуть!

Джон стоял у дверей Дома. Ничто не нарушало чудесную тишину. Он вложил ключ в скважину и повернул его.

Помедлил с минуту, чтобы до конца ощутить наивысшую, несказанную, всецелую полноту радости.

И шагнул через Порог.

Актриса

Потертого вида господин, сидевший в дальнем ряду за креслами партера, подался вперед и с недоверчивой миной уставился на сцену. Его хитрые глазки чуть заметно сузились.

– Нэнси Тейлор! – прошептал он. – Клянусь Богом, малышка Нэнси Тейлор!

Его взгляд скользнул по зажатой в руке программке. Одно имя в ней было напечатано несколько крупнее всех остальных.

– Ольга Стормер! Вот, значит, как она назвалась. Строишь из себя звезду, а, моя милочка? И небось еще неплохие деньжонки загребаешь? Похоже, и думать забыла, что тебя когда-то звали Нэнси Тейлор, смею заметить. Интересно, интересно знать, что ты скажешь, если Джейк Левитт напомнит тебе об этой маленькой подробности?

Занавес упал, возвещая конец первого акта. Зал наполнился горячими аплодисментами. Ольга Стормер, прекрасная драматическая актриса, чье имя всего лишь за несколько лет стало известно каждому, добавила ныне еще один триумф к немалому списку успешных выступлений в роли Коры в «Ангеле-Мстителе».

Джейк Левитт не присоединился к аплодисментам, но довольная усмешка медленно расплылась на его лице. Господи! Вот это удача! И так кстати – как раз когда он оказался почти на мели. Она попытается выкрутиться, как он подозревал, но с *ним* у нее этот номер не пройдет. Если взяться за дело с умом, оно станет настоящей золотой жилой!

Первые признаки старательских усилий Джейка Левитта обнаружились уже на следующее утро. Ольга Стормер, сидя в своей гостиной, сочетавшей в убранстве темные драпировки и красный лак, несколько раз внимательно перечитала письмо. Ее бледное лицо с тонкими, живыми чертами казалось слегка застывшим, и взгляд серо-зеленых глаз под ровной линией бровей то и дело замирал на полпути к странице, словно она раздумывала не столько над самим текстом, сколько над серьезностью связанной с ним проблемы.

Наконец ее чудесный голос, способный наполняться трепетом чувств или звучать чеканно, как стук клавиш под пальцами машинистки, нарушил тишину. Ольга позвала:

– Мисс Джоунс!

Молодая женщина в строгом костюме, в очках поспешно появилась из смежной комнаты с карандашом и стенографическим блокнотом в руках.

– Будьте добры, позвоните мистеру Денахану и попросите его заехать, немедленно.

Сид Денахан, импресарио Ольги Стормер, вошел в комнату с видом одолеваемого мрачными предчувствиями человека, вынужденного всю жизнь терпеть и разбираться с капризами артистических натур женского пола. Умение уговаривать, улещивать, грозить – причем все это сразу или поочередно, – вот что входило в круг его повседневных обязанностей. К вящему его облегчению, Ольга выглядела спокойной и сосредоточенной, лишь бросила ему через стол записку.

– Прочтите вот это.

Безграмотное письмо было нацарапано на дешевой почтовой бумаге.

«Уважаемая сударыня, мне очень понравился ваш выход в «Ангеле-Мстителе» прошлым вечером. Похоже, у нас с вами есть одна общая знакомая, мисс Нэнси Тейлор, в прошлом – из Чикаго. Вскорости про нее может появиться кое-что в газетке. Ежели пожелаете обсудить это, могу к вам заглянуть в любое удобное для вас время.

*Со всем нашим уважением,
Джейк Левитт».*

Денахан выглядел слегка озадаченным.

– Я не вполне понимаю. Кто такая Нэнси Тейлор?

– Девушка, которой было бы лучше пребывать в небытии. – В ее голосе прозвучали горечь и нотки усталости – единственное, что могло выдать в ней женщину тридцати четырех лет. – Девушка, которая и пребывала в нем до тех пор, пока этот черный ворон не вызвал ее к жизни.

– О! Так, значит...

– Я, Денни, это я.

– Это, несомненно, означает шантаж?

Она кивнула:

– Несомненно, причем человеком, который изучил это ремесло досконально.

Денахан нахмурился в раздумье. Ольга, подперев щеку узкой, длинной ладонью, устремила на него бездонный взгляд.

– Что, если повести свою игру? Все отрицать. Как он может быть уверен, что не обошелся из-за случайного сходства?

Ольга покачала головой:

– Левитт зарабатывает себе на жизнь тем, что шантажирует женщин. Он достаточно уверен в себе.

– Полиция? – с сомнением предложил Денахан.

Слабая ироническая улыбка Ольги послужила ясным ответом. Благодаря ее внешнему самообладанию он не догадывался о нетерпении, с которым она ждала, пока его более медлительный рассудок мучительно проделает тот путь, который сама она одолела в мгновение ока.

– Вы не считаете... э-э... что было бы разумным с вашей стороны... м-м-м... самой рассказать кое о чем сэру Ричарду? Это в какой-то мере лишит оружия того типа.

О помолвке актрисы с сэром Ричардом Эверардом, членом парламента, было объявлено несколько недель назад.

– Я обо всем рассказала Ричарду, когда он предложил мне выйти за него.

– Право слово, вы поступили весьма предусмотрительно! – восхищенно проговорил Денахан.

Ольга слабо усмехнулась:

– Это было сделано мною не из предусмотрительности, Денни, милый. Впрочем, вам этого не понять. Так или иначе, если этот человек, Левитт, выполнит свою угрозу, то я погибла, и, между прочим, парламентской карьере Ричарда тоже наступит конец. Нет, насколько я понимаю, здесь можно сделать только две вещи.

– Какие же?

– Заплатить, но тогда, разумеется, история затянется до бесконечности! Или исчезнуть, начать все заново.

Вновь в ее голосе ясно послышались нотки усталости.

– Дело даже не в том, что я совершила нечто такое, о чем могла бы жалеть. Я была полуголодным, бесприютным существом, Денни, и всеми силами стремилась к тому, чтобы не скатиться на самое дно. Я застрелила человека, грязное животное, который вполне того заслужил. Обстоятельства, при которых я убила его, были таковы, что ни один суд на свете не вынес бы мне обвинения. Теперь я это понимаю, но тогда я была лишь перепуганной девчонкой – и сбежала.

Денахан кивнул.

– Полагаю, – неуверенно проговорил он, – на этого Левитта нет ничего, за что мы могли бы уцепиться?

Ольга покачала головой.

– Очень маловероятно. Он слишком большой трус, чтобы впутываться в преступления. – Казалось, ее собственные слова поразили ее. – Трус! Интересно, нельзя ли нам как-то сыграть на этом?

– Если сэр Ричард возьмется встретиться с ним и припугнет... – предложил Денахан.

– Ричард против него – слишком изысканное средство. Такого типа в перчатках не ухватишь.

– Тогда позвольте мне повидаться с ним.

– Простите меня, Денни, но я не думаю, что у вас хватит на это ловкости. Нам нужно нечто среднее между перчатками и голым кулаком. Скажем, митенки! Что подразумевает женщину! Да, полагаю, справиться с ним скорее всего сможет именно женщина. Такая, которая обладает долей *утонченности*, но при этом на своем горьком опыте познала низменную сторону жизни. Ольга Стормер, к примеру! Погодите, не отвлекайте меня разговорами – у меня зреет план.

Опустив голову, она прикрыла лицо рукой. Потом внезапно выпрямилась.

– Как зовут ту девушку, которая хотела быть моей дублершей? Маргарет Райен, если не ошибаюсь? У которой такие же волосы, как у меня?

– Волосы у нее замечательные, – неохотно согласился Денахан, устремив взгляд на золотисто-бронзовую массу завитков, обрамлявших лицо Ольги. – Они действительно совсем как у вас, вы правы. Но в остальном она никуда не годится. Я собирался ее уволить на будущей неделе.

– Если все пойдет как надо, вам, вероятно, придется дать ей разок заменить меня в роли Коры. – Взмахом руки она прервала его протестующий возглас. – Денни, ответьте мне честно на один вопрос. Вы считаете, я могу играть? *По-настоящему* играть, я имею в виду. Или я не более чем обольстительная женщина, разгуливающая по сцене в миленьких платьицах?

– Играть? Бог мой! Ольга, такой актрисы не было со времен Дузе!

– Значит, если Левитт в самом деле трус, как я предполагаю, то моя затея удастся. Нет, я не стану посвящать в нее вас. Я хочу, чтобы вы занялись той девушкой, Райен. Скажите ей, что я ею заинтересовалась и приглашаю к себе поужинать завтра. На ужин она не замедлит прибежать.

– Уж конечно, смею заметить!

– Еще мне нужно быстродействующее сильное снотворное, такое, чтобы человек отключился часика на два, но без дурных последствий.

Денахан усмехнулся:

– Не могу поручиться, что наш приятель встанет без головной боли, но существенного вреда не будет.

– Прекрасно! Теперь бегите, Денни, и предоставьте остальное мне. – Она повысила голос. – Мисс Джоунс!

Молодая женщина в очках с обычной поспешностью появилась в дверях.

– Запишите, пожалуйста.

Медленно прохаживаясь по комнате, Ольга надиктовала дневную корреспонденцию. Но одно письмо она написала собственноручно.

Джейк Левитт ухмылялся в своей грязной комнатенке, надрывая вожделенный конверт.

«Уважаемый сэр,

не смогла припомнить даму, о которой вы говорите. Я вижу с такой массой людей, что память поневоле мне изменяет. Я всегда рада оказать поддержку любой из моих коллег-актрис, и если вы пожелаете зайти, буду дома сегодня вечером в девять.

*Искренне ваша,
Ольга Стормер».*

Левитт понимающе кивнул. Ловкий ход! Она ничем не выдает себя. И тем не менее готова обсудить дело. Он нашел свою золотую жилу!

Ровно в девять часов вечера Левитт стоял перед дверью квартиры и жал на кнопку звонка. Никто не отозвался, и он собрался позвонить снова, как вдруг заметил, что дверь не заперта. Джейк толкнул ее и вошел в прихожую. Распахнутая дверь справа вела в ярко освещенную комнату в алых и черных тонах. На столе под лампой был оставлен листок бумаги, на котором значилось:

*«Пожалуйста, дождитесь моего возвращения.
О. Стормер».*

Левитт уселся и принялся ждать. Странное тревожное ощущение помимо его воли начало подкрадываться к нему. Больно уж тихо в квартире. В этой тишине было что-то жутковатое.

Ерунда какая-то. Что тут может быть неладно? Но в комнате – такая мертвящая тишина, а между тем Левиттом овладевало нелепое, неуютное чувство, будто он здесь не один. Вот чепуха! Он вытер со лба испарину. И все же ощущение, что он не один, постепенно усиливалось. Слабо пробормотав ругательство, он вскочил на ноги и принялся шагать из угла в угол. Через пару минут хозяйка вернется, и тогда...

Со сдавленным воплем он застыл на месте. Из-под черных бархатных штор, закрывавших окно, торчала рука! Он нагнулся и дотронулся до нее. Холодная, ужасающе холодная – рука мертвеца!

Он с криком откинул шторы. Там лежала женщина – одна рука безвольно откинута, другая придавлена телом, лежавшим лицом вниз, золотисто-бронзовые волосы спутанными прядями рассыпались по шее.

Ольга Стормер! Левитт дрожащими пальцами потянулся к ледяному запястью и пощупал пульс. Пульса нет, как он и думал. Мертвая. Значит, решила ускользнуть от него, избрав самый простой выход.

Неожиданно взгляд его остановился на красном шнуре с причудливыми кисточками на концах, середина которого терялась под массой волос. Он с опаской потрогал его; голова качнулась, и взгляду Джейка открылось на миг ужасное багровое лицо. Он отскочил с воплем, все смешалось у него в голове. Творилось что-то непонятное. Лицо, мелькнувшее у него перед глазами, даже искаженное смертью, не оставляло сомнений. Это не был суицид – это было убийство. Женщину удавили, и это была не Ольга Стормер!

А! Что это? Какой-то звук позади. Левитт резко обернулся, и взгляд его уперся прямо в расширенные от испуга глаза молоденькой горничной, цеплявшейся за стену. Ее лицо казалось белее косынки и фартука, надетых на ней, но Джейк не сразу понял выражение ее застывших от ужаса глаз. Лишь ее истерический вскрик объяснил ему всю рискованность его положения.

– Господи боже! Вы ее убили!

Даже теперь Левитт не осознал всего до конца.

– Нет, нет, я нашел ее уже мертвой, – возразил он.

– Я видела, как вы это сделали! Вы затянули шнур и удавили ее. Я слышала ее хрип.

Вот тут Джейка уже всерьез прошиб пот. Его рассудок лихорадочно перебирал все то, что он делал за последние несколько минут. Должно быть, она вошла как раз в тот момент, когда он взял в руки концы шнура; она видела, как качнулась голова, и приняла его собственный крик за вопль жертвы. Он беспомощно уставился на нее. Вряд ли можно было ошибиться в том, что читалось в ее лице – ужас и глупость. Она сообщит полиции, что видела,

как произошло преступление, и никакой перекрестный допрос не пошатнет ее уверенности – это было ему очевидно. Она станет присягать против него с несокрушимой убежденностью, считая, что говорит правду.

Что за жуткое, случайное стечение обстоятельств! Стоп, случайное ли? Нет ли здесь чьего-то умысла? Охваченный внезапным подозрением, он спросил, вперив в нее прищуренный взгляд:

– Это не твоя хозяйка?

Ответ, произнесенный ею механически, пролил некоторый свет на дело.

– Да, это ее подруга-актриса – если, конечно, их можно назвать подругами, когда они цапались, как кошка с собакой. Как раз сегодня вечером опять повздорили.

Ловушка! Теперь ему стало ясно.

– Где твоя хозяйка?

– Ушла минут десять назад.

Ловушка! И он попался в нее как баран. Хитрая бестия эта Ольга Стормер; она избавилась от соперницы, а отвечать за все дельце ему! Убийство! Боже правый, людей за это вешают! А он не виноват – не виноват!

Чуть слышный шорох вернул его к действительности. Малышка горничная бочком пробиралась к двери. К ней начала возвращаться способность мыслить трезво. Взгляд ее метнулся к телефону, затем опять к дверям. Любой ценой он должен заставить ее молчать. Выход был один. Все равно что попасть в петлю за реальное убийство, что за поддельное. Оружия у нее нет, у него тоже. Но руки-то у него есть! Тут сердце его стукнуло. Позади нее, на столике, почти под ее рукой, лежал маленький, украшенный инкрустацией револьвер. Как бы добраться до него первым...

То ли инстинкт, то ли выражение его глаз послужили ей предупреждением. Она схватила револьвер, едва он рванулся с места, и нацелила ему в грудь. При всей ее неловкости палец ее оказался на курке, а с такого расстояния промахнуться трудно. Он застыл на месте. Револьвер такой дамочки, как Ольга Стормер, уж наверняка окажется заряженным.

Джейку повезло в одном – девушка больше не маячила между ним и дверью. До тех пор пока он не нападает, у нее может не хватить духу выстрелить. Как бы то ни было, он должен рискнуть. Стараясь обходить ее подальше, он бросился к дверям, потом через прихожую – к входной двери и захлопнул ее за собой. До него донесся слабый, дрожащий вопль: «Полиция! Убийство!» Ей следовало бы звать погромче, чтобы ее хоть кто-то услышал. Во всяком случае, у него есть преимущество. Сбежав по лестнице, Джейк выскочил на улицу, затем, перейдя на шаг, с видом заблудившегося пешехода завернул за угол. У него имелся план, заготовленный заранее. Сейчас как можно скорее в Грейвсенд. Одно судно отплывает оттуда вечером в самую отдаленную часть света. Левитт знал капитана – за деньги он не станет задавать вопросов. Попад на борт и выйдя в море, он будет в безопасности.

В одиннадцать вечера у Денахана зазвонил телефон. В трубке звучал голос Ольги:

– Подготовьте контракт для мисс Райен, ладно? Она выйдет вместо меня в роли Коры. Не надо возражений – они абсолютно бесполезны. Я в долгу перед ней после всего того, что проделала с нею сегодня вечером! Что? Да, полагаю, я избавилась от своих неприятностей. Кстати, если завтра она скажет вам, что я ревностная сторонница спиритизма и накануне вечером ввела ее в транс, – не выражайте так уж явно своего недоверия. Каким образом? Снотворные капли в кофе, затем умелые пассы! После этого я раскрасила ей лицо гримом в багровые тона и наложила жгут на левую руку! Озадачены? Ладно, вам суждено оставаться в этом состоянии до завтра. Сейчас у меня нет времени объяснять. Мне надо снять фартук и косынку, прежде чем моя верная Мод возвратится из кино. По ее словам, сегодня на вечернем сеансе дают «красивую драму». Но самую замечательную из всех драм она пропу-

стила. Сегодня вечером я сыграла лучшую из моих ролей, Денни. Митенки выиграли! Джейк Левитт действительно трус хоть куда, а я – о, Денни, Денни, – я – актриса!

На краю

Клэр Холивелл шла по дорожке, ведущей от дверей ее домика к калитке, держа на согнутом локте корзинку, где помещались банка с супом, баночка домашнего желе и кисть винограда. В местечке Даймерз-Энд бедняков имелось не так уж много, но каждый из них был усердно опекаем, а Клэр по праву считалась одной из самых активных деятельниц прихода.

Клэр Холивелл была девушкой тридцати двух лет от роду. Она держалась прямо и имела здоровый цвет лица и милые карие глаза. Ее нельзя было назвать красивой, но она обладала типично английской, приятной и свежей наружностью. В местечке ее любили и считали славной. С тех пор как два года назад умерла ее мать, она жила одна в своем коттедже, вместе с псом по кличке Роувер. Она разводила кур, любила животных и полагала, что длинные прогулки – залог здоровья.

Когда она отпирала калитку, мимо промчался двухместный автомобиль, и сидевшая за рулем женщина в ярко-красной шляпке приветственно помахала рукой. Клэр ответила тем же, но на мгновение губы ее плотно сжались. Точно острая боль пронзила ее, как бывало всякий раз при виде этой Вивьен. Жены Джеральда Ли!

Семейство Ли на протяжении многих поколений владело фермой Меденхем, располагавшейся в миле от деревни. Сэр Джеральд Ли, нынешний владелец фермы, выглядел старше своих лет и слыл человеком чопорного склада. На самом деле за внешней скованностью он пытался скрывать свою робость. Детьми они с Клэр играли вместе. Позднее их связала дружба, и многие, включая, надо заметить, даже саму Клэр, втайне прочили им еще более близкие и нежные узы. К чему спешить, разумеется, но однажды... Так она и приняла это про себя. Однажды.

А вслед за тем, год назад, деревню потрясло известие о женитьбе сэра Джеральда на мисс Харпер – девушке, о которой никто и слыхом не слыхал!

Новая леди Ли не пользовалась популярностью в деревне. Она не проявляла ни малейшего интереса к приходским делам и не увлекалась охотой. Ее тяготила деревенская жизнь, и она не испытывала ни малейшей склонности к пешим прогулкам. Многие из деревенских умников только качали головами и не ожидали ничего путного от этого брака. Внезапный любовный недуг сэра Джеральда имел весьма простое объяснение – Вивьен была настоящей красавицей. Вся она, с головы до пят, составляла полную противоположность Клэр Холивелл – миниатюрная, как эльф, изящная, с золотисто-рыжей копной волос, очаровательными завитками, спадавшими на ее нежные ушки, и с большими фиалковыми глазами, словно от природы награжденными умением бросать завлекательные взгляды.

Джеральд Ли по своей мужской простоте делал все возможное, чтобы Клэр с его женой сделались добрыми подругами. Клэр часто получала приглашения поужинать на ферме, и Вивьен всякий раз не упускала случая изобразить самое сердечное, дружеское расположение к ней. Взять хотя бы, к примеру, радостное приветствие нынешним утром.

Клэр между тем отправилась дальше выполнить свою миссию доброй самаритянки. Викарий также зашел навестить их престарелую подопечную, а после прогулялся немного вместе с Клэр, прежде чем пути их разошлись. Перед тем как расстаться, они простояли минуту-другую, обсуждая приходские дела.

– Боюсь, Джоунс опять сорвался, – пожаловался викарий. – А я было так надеялся, когда он сам, по собственной воле, решил заречься от спиртного.

– Как отвратительно, мерзко, – произнесла Клэр.

– Да, так это выглядит на наш взгляд, – вздохнул мистер Уилмот, – но не следует забывать, что нам очень трудно поставить себя на его место и прочувствовать силу его искушения. Тяга к выпивке нам чужда, но понять его все-таки можно, ибо соблазны есть у каждого.

– Полагаю, что так и есть, – неуверенно ответила Клэр.

Викарий взглянул на нее.

– Некоторых благая судьба хранит от серьезных искушений, – мягко проговорил он. – Но и для таких людей настанет свой час. Бодрствуй, бди и молись, помни, что не должно впадать в соблазн.

И, простившись с ней, он энергично зашагал прочь. Клэр в задумчивости пошла дальше и через пару шагов едва не столкнулась с сэром Джеральдом Ли.

– Здравствуй, Клэр. Я шел, надеясь повстречать тебя. Чудесно выглядишь. Смотри-ка – румянец во всю щеку!

Минуту назад румянца не было и в помине. Ли между тем продолжал:

– Так я вот говорю, что надеялся повстречать тебя. Вивьен на уик-энд придется уехать в Борнемут. Ее матушка нездорова. Ты не согласилась бы прийти к нам на ужин во вторник вместо сегодняшнего вечера?

– О, разумеется! Вторник мне тоже вполне подходит.

– Тогда все в порядке. Замечательно. Ну, я побежал.

Клэр вернулась домой и застала свою верную прислугу стоящей в ожидании ее на крыльце.

– Наконец-то вы, мисс. Такая беда. Роувера принесли домой. Утром он выбежал по своим делам, и его сбила машина.

Клэр кинулась осматривать пса. Она обожала животных, а Роувер был ее любимцем. Она ощупала одну за другой его лапы и провела рукой по спине и бокам. Пару раз пес начал скулить и лизал ее руку.

– Если и есть какие-то серьезные повреждения, то внутренние, – сказала она наконец. – Кажется, ни одна кость не сломана.

– Не позвать ли ветеринара, мисс?

Клэр покачала головой. Она не очень-то доверяла местному ветеринару.

– Подождем до завтра. Похоже, у него нет сильных болей, и десны нормального цвета, так что сильного внутреннего кровоизлияния быть не должно. Завтра, если вид его мне не понравится, я на машине отвезу его в Скиппингтон, и пусть тогда Ривз на него взглянет. Он врач куда лучше здешнего.

На другой день Роувер заметно ослабел, и Клэр не медля привела в исполнение свой план. Городок Скиппингтон был расположен в сорока милях от деревни – путь неблизкий, – но Ривз, тамошний ветеринар, славился на много миль вокруг.

Он нашел некоторые внутренние повреждения, но твердо заверил, что есть все основания ожидать выздоровления, и Клэр вышла от него вполне успокоенная, оставив Роувера на его попечение.

В Скиппингтоне имелся лишь один мало-мальски приличный отель «Герб Графства». В нем останавливались большей частью коммивояжеры, поскольку вблизи Скиппингтона не было хороших охотничьих угодий и сам городок далеко отстоял от крупных автомобильных трасс.

Ланч здесь не подавали до часу дня, и, поскольку оставалось еще несколько минут до означенного времени, Клэр развлекалась тем, что стала просматривать раскрытую книгу постояльцев.

Внезапно у нее вырвался слабый возглас. Ей, несомненно, был знаком этот почерк с характерными росчерками, петлями и завитками! Она всегда безошибочно его узнавала. Даже теперь она могла бы поклясться – но нет, разумеется, это просто невозможно! Ведь

Вивьен Ли находилась в Борнемуте. Да и сама запись свидетельствовала совершенно об ином: *мистер и миссис Сирил Браун, Лондон*.

Но взгляд Клэр помимо ее воли вновь и вновь возвращался к причудливо написанной строчке, и, повинуясь внезапному порыву, она неожиданно для себя обратилась к женщине, сидевшей за конторкой:

– Миссис Сирил Браун? Интересно знать, не моя ли это знакомая?

– А, маленькая хрупкая леди? С рыжеватыми волосами? Очень милая. Она приехала на красном двухместном автомобиле, мэм. Кажется, «Пежо».

Так и есть! Слишком много совпадений для простой случайности. Как сквозь сон, до Клэр доносился голос служащей:

– Они приезжали сюда на выходные всего около месяца назад, и им так здесь понравилось, что они заехали снова. Молодожены, надо полагать.

Клэр услышала собственный голос, прозвучавший в ответ:

– Благодарю вас. Видимо, это не моя подруга.

Голос звучал странно, точно принадлежал кому-то другому.

Через минуту она сидела в обеденном зале, мирно жуя холодный ростбиф, и в голове ее царил сумбур противоречивых мыслей и чувств.

У нее не оставалось сомнений. Она прекрасно раскусила Вивьен при первой же их встрече. Вивьен – как раз из таких. Клэр невольно захотелось узнать, что за мужчина был с нею. Некто, с кем Вивьен была знакома еще до замужества? Похоже, что так, но разве это важно? Важно совсем другое – Джеральд.

И как теперь ей, Клэр, повести себя с Джеральдом? Его следует поставить в известность, разумеется, он должен знать. Очевидно, что ее прямой долг – рассказать ему. Тайна Вивьен открылась ей случайно, но она просто обязана не медля открыть глаза Джеральду. Ее друг Джеральд, а вовсе не Вивьен.

И все же ее не оставляло чувство неловкости. Ее совесть была неспокойна. На первый взгляд ее доводы выглядели вполне достойно, но то, что Клэр считала своим долгом, как-то подозрительно совпало с ее личными интересами. Да, если быть честной до конца, то следует признать, что она невзлюбила Вивьен. И еще: если Джеральд Ли разведется, а Клэр не сомневалась, что он поступит именно так, – в вопросах, касающихся собственной чести, он был до фанатизма щепетилен, – тогда, что ж, тогда дорога к ней будет ему снова открыта. Взглянув на свои намерения в таком свете, она брезгливо отшатнулась. Все задуманное предстало перед ней в неприкрытом и гадком виде.

Слишком сильно все это затрагивает ее личные интересы. Она не может быть уверенной в своих побуждениях. Клэр считала себя совестливым и великодушным человеком. Теперь она искренне пыталась понять, в чем же состоит ее долг. Ей, как и всегда, хотелось поступить правильно. Но что будет справедливым в подобной ситуации?

Простая случайность дала ей в руки факты, жизненно важные для человека, которого она любила, и для женщины, к которой испытывала неприязнь и – если уж быть до конца откровенной – к которой она жестоко его ревновала. Клэр имела возможность погубить эту женщину. Мог ли найти оправдание такой поступок?

Клэр всегда старалась держаться в стороне от пересудов и скандальных сплетен, неизбежно составлявших часть деревенской жизни. Ей было невыносимо сознавать, что сейчас она уподобилась тем упырям в человеческом обличье, которых она всегда открыто презирала.

Внезапно в ее памяти вспыхнули слова, произнесенные в то утро викарием:

«Но и для таких людей настанет свой час».

Быть может, ее час настал? Это и есть то самое искушение для нее? И оно коварным образом приняло перед ней облик долга? Что ж, она, Клэр Холивелл, христианка, должна

быть исполнена любви и милосердия ко всем людям – и к женщинам в том числе. Прежде чем сообщать о чем-либо Джеральду, она должна быть вполне уверена в том, что его движут не личные побуждения. Так что пока ей не следует говорить ни слова.

Клэр расплатилась за ланч и поехала назад в деревню, ощущая несказанную просветленность в душе. Она и в самом деле впервые за долгое время чувствовала себя по-настоящему счастливой. Клэр радовалась, что у нее хватило сил преодолеть искушение, не совершить ничего дурного и недостойного. Лишь на миг ее пронзила мысль о том, что душевный подъем в ней мог быть вызван горделивым сознанием собственной власти, но она тотчас сочла эту мысль нелепой.

Во вторник к вечеру решимость ее окрепла. Нет, не ее дело устраивать разоблачения. Она должна хранить молчание. Из-за своей тайной любви к Джеральду она не имела права ничего предпринимать. Может даже, она слишком далеко заходит в своем благородном бескорыстии? Но что поделаешь – в ее ситуации это единственный приемлемый вариант.

Клэр приехала на ферму на собственном маленьком автомобиле. Шофер сэра Джеральда поджидал ее у центрального входа, чтобы отвести ее машину в гараж, поскольку вечер оказался дождливым. Едва он отъехал, Клэр спохватилась, что забыла в машине книги, которые накануне брала почитать и сегодня привезла с собой, чтобы вернуть. Она окликнула шофера, но тот не услышал. Дворецкий бросился догонять автомобиль.

Клэр на пару минут осталась в холле одна, остановившись у дверей гостиной, которые дворецкий успел лишь приоткрыть, собираясь доложить о ней. Однако те, кто находился в гостиной, не подозревали о ее приезде. Из-за двери отчетливо и ясно доносился пронзительный – и не очень-то подобающий леди – голос Вивьен.

– О, мы ждем только Клэр Холивелл. Вы, должно быть, знаете ее – она из деревни, считается местной красоткой, но на самом деле – совершенная дурнушка. Из кожи вон лезла, чтобы заполучить Джеральда, но его такие не интересуют.

Именно так, дорогой, – это уже в ответ на невнятное возражение ее мужа. – Может, ты и не заметил, но она добивалась тебя изо всех сил. Бедняжка Клэр! Она славная, но такая колода!

Лицо Клэр сделалось смертельно бледным, и пальцы ее сжались в кулаки от гнева, какого она не ведала ранее. В тот момент она готова была убить Вивьен Ли. Лишь совершив над собой неимоверное физическое усилие, она смогла взять себя в руки. Впрочем, ее подержало безотчетное сознание того, что она в силах отомстить Вивьен за ее жестокие слова.

Вернулся дворецкий с книгами. Он раскрыл двери, доложил о Клэр, и в следующую секунду она в своей обычной милой манере раскланивалась со всеми присутствующими в гостиной.

Вивьен, в изящном платье цвета темного рубина, подчеркивавшем белизну ее кожи, встретила ее с особой сердечностью и радушием. Надо бы им почаще видаться, говорила хозяйка. Она, Вивьен, хочет научиться играть в гольф, и Клэр непременно должна составить ей компанию.

Джеральд был очень мил и внимателен. Хотя у него и в мыслях не было, что Клэр могла слышать обидные слова его жены, он словно бы ощущал потребность их загладить. Он очень любил Клэр, и ему было неприятно, что его жена так о ней говорила. Они с Клэр всегда были друзьями – ничего более, и если у Джеральда в глубине души все же таилось неловкое подозрение о том, что в последнем отношении он, возможно, чуть лукавит, то он тут же его отбросил.

После ужина зашел разговор о собаках, и Клэр рассказала о происшествии с Роувером. Она намеренно выждала паузу в общей беседе, чтобы произнести:

– ...и тогда я в субботу отвезла его в Скиппингтон.

Она слышала, как звякнула о блюдец чашка Вивьен Ли, но не взглянула на нее – пока что.

– Вы ездили к этому доктору Ривзу?

– Да. Надеюсь, все будет благополучно. Потом я зашла позавтракать в «Герб Графства». Довольно приличное заведение. – Теперь она обратилась к Вивьен. – Вы там ни разу не останавливались?

Если у Клэр и оставались какие-то сомнения, то они были полностью отмечены. Ответ Вивьен прозвучал быстро, слишком быстро.

– Я? О, н-нет, нет, – произнесла она с запинкой.

В ее взгляде читался страх. Потемневшие и расширенные глаза ее встретились с глазами Клэр. Но взгляд Клэр не выразил ничего. Он был спокойным и изучающим. Никто и представить себе не мог, какое жгучее наслаждение скрывал он. В эту секунду Клэр почти простила Вивьен те слова, которые услышала сегодня из-за двери. Она на мгновение вкусила головокружительное ощущение полноты власти: Вивьен Ли была у нее в руках!

На следующий день она получила от той записку. Не желает ли Клэр зайти к ней нынче днем – они мило бы посидели за чашкой чая. Клэр отказалась.

Затем сама Вивьен наведлась к ней. Она дважды заходила в те часы, когда Клэр почти наверняка должна была находиться дома. В первый раз Клэр в самом деле отсутствовала, в другой – едва успела выскользнуть через заднюю дверь, заведя Вивьен на садовой дорожке.

«Она не может понять, известно мне что-то или нет, – думала про себя Клэр. – И хочет выяснить, не раскрывая себя. Но ей это не удастся – до тех пор, пока я не буду готова».

Клэр и сама не знала, чего она ждет. Она решила молчать – это было единственной надежной и достойной линией поведения.

Вдобавок ощущение собственной добродетели особенно горячо согревало ее, когда она вспоминала, какому подверглась испытанию. Клэр сознавала: будь она более слабой натурой, она утратила бы все свои благие намерения, услышав ненароком, как Вивьен отзывается о ней за глаза.

В воскресенье она дважды сходила в церковь. Сперва на рассвете – к причастию, после которого ощутила в себе силы и душевный подъем. Никакие личные чувства не должны довлеть над нею – ничего мелкого и низменного. Она пришла снова на утреннюю службу. Темой проповеди мистера Уилмота была на этот раз знаменитая молитва Фарисея. Он вкратце поведал о жизни этого человека, весьма добродетельного, столпа церкви. И затем ярко описал, как медленно, исподволь разъедал его душу порок душевной гордыни, исказивший и запятнавший собой все его существо.

Клэр слушала не очень внимательно. За перилами, отделявшими в церкви обширное место, принадлежавшее семейству Ли, сидела Вивьен, и Клэр инстинктивно чувствовала, что та намерена перехватить ее после службы.

Так и вышло. Вивьен навязалась Клэр в попутчицы, прошла с нею до самого дома и попросила позволения зайти. Разумеется, Клэр согласилась. Они расположились в маленькой гостиной Клэр. Масса цветов и веселенький старомодный ситчик обивки придавали этой комнате особенно уютный вид. Замечания Вивьен были отрывисты и бессвязны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.